

2001

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ

Выборы президента Республики Беларусь назначены на 9 сентября 2001 года. Несколько дней назад 22 инициативные группы претендентов ушли в народ за подписями. Чтобы зарегистрироваться кандидатом в президенты, надо собрать не менее 100.000 подписей.

Из всех 22-х лиц народная масса без запинки может опознать только два — действующего президента Александра Лукашенко (он постоянно на телеэкране) и его антогониста, одного из лидеров одной из половин расколотого Белорусского народного фронта Зенона Позняка (он почти пять лет находится в эмиграции, но на родине витает его образ "националиста и фашиста", умело созданный государственной пропагандой в начале девяностых).

Единственную претендентку Наталью Машерову никто не знает как политика, но сей свой недостаток она толково компенсирует фамилией своего отца, не забытого в народе первого секретаря ЦК КПБ Петра Машерова, два десятка лет назад погибшего в нелепой автокатастрофе и ныне реанимированного и раскручиваемого дочерью в виде жертвы Брежнева.

Остальные девятнадцать, возмечтавшие о президентском портфеле, — все на одно непонятное лицо. Чтобы различать их невыразительные программы и идеи и не спутать одного с другим, хорошо было бы присвоить каждому порядковый номер. Впрочем, я повторяю шутку обозревателя ведущей оппозиционной газеты "Народная Воля" Александра Силича. А если всерьез, то пара-тройка политиков-шутов, значащихся в списке претендентов и прожигающих сейчас чьи-то деньги, превращает всю избирательную кампанию в фарс. Им подыгрывает актер-юморист Евгений Крыжановский, задумавший пересест из кресла главного режиссера сатирического театра в кресло президента.

Самых серьезных соискателей высшей должности соседнего государства недавно увидел российский зритель в программе Познера "Времена". Это (по алфавиту): Сергей Домаш, бывший председатель Гродненского облисполкома; Сергей Калякин, первый секретарь ЦК Партии коммунистов белорусской

(“обновленной”); Павел Козловский, бывший министр обороны; Михаил Чигирь, бывший премьер-министр Лукашенковского правительства. Свою серьезность они демонстрируют тем, что объединились то ли в “четверку”, то ли в “пятерку” (пятый, Владимир Гончарик, председатель Федерации профсоюзов, почему-то к Познеру не поехал).

Так вот, они действуют только сообща, как пионерское звено. Они говорят, что из “четверки” (“пятерки”) кто-то станет лидером в зависимости от популярности и “обстоятельств”. Они клянутся в том, что любят и уважают друг друга и без колебаний уступят лидерство, когда увидят, что только кто-то один может стать реальным противовесом Лукашенко. Когда в Москве у них спросили, кто же реально станет кандидатом и попадет в избирательный бюллетень, они ответили: “Мы”. Это смешно и печально: мы — президент. Потому что демократическая оппозиция до сих пор не нашла конкретного сильного кандидата. Подчеркну: еще не нашла. Хотя уже пора его всю раскручивать.

Из Москвы “четверка” вернулась радостной и возбужденной, дала серию интервью в местной оппозиционной прессе. Их лейтмотив: раз нас показали во “Временах”, значит, Москва ставит не на Лукашенко, его время прошло, Путину больше не нужен непредсказуемый хулиган в Минске, союзное государство нуждается прежде всего в экономической интеграции, а не в политических заклинаниях, а мы обеспечим прочный экономический союз России и Белоруссии.

Да, все они, все двадцать один, оппонируя Лукашенко, так или иначе одобряют действия Лукашенко по упрочению интеграции с Россией. И в этом смысле народ их не различает. А Путину в этом же смысле — как коту масленица. Выбирай в союзники кого хочешь. Вот почему прагматичная Москва не спешит, думает, выгадывает. И вот почему в Минске нервничают. Без устали курсируют в белокаменную: то Лукашенко, то его противники. Что-то там ищут, с кем-то ведут переговоры. Приезжают домой и хвастаются: нашли, Москва с нами!

Московский фактор — главная интрига нынешнего этапа президентской гонки в Белоруссии. Все бегут с оглядкой на восток. Все ждут оттуда взгляда,

жеста, подсказки, одобрения. И это делает избирательную кампанию опять-таки смешной, ибо участники забега показывают свою политическую неполноценность. Современные избирательные технологии практически отсутствуют. За исключением компромата, который, с одной стороны, на всех льет Лукашенко, а, с другой стороны, все — на него. Момент, когда участники начнут поливать друг друга перекрестным способом, еще не наступил.

Лишь один из двадцати двух устремился на высший пост без оглядки на Москву — Позняк. Представитель радикальной оппозиции, он начисто отвергает какой-либо союз с Россией. Этим резко отличается от всех претендентов, открыто ненавидящих его (он платит им взаимный ненавистью). За Позняком, по разным оценкам, идет от пятнадцати до двадцати процентов электората. Это значительно больше, чем у прочих. Это позволит Позняку выйти во второй тур и ... проиграть Лукашенко. Ибо рейтинг Лукашенко остается по-прежнему высоким — от тридцати до сорока пяти процентов. Кроме того, у него в руках государственное телевидение, на которое оппозиции доступа нет, а также громадный административный ресурс, который уже работает. В территориальные избирательные комиссии под разными предлогами недопущен ни один представитель оппозиции! Это означает, что уже подготовлены условия для фальсификации результатов голосования.

БЕЛОРУССКИЙ ПОТОЛОК

Накануне президентских выборов 2001 года мне позвонил начальник одного из ЖЭСов Заводского района Минска и спросил, видел ли я когда-нибудь неподалеку от тракторного завода трехэтажные домики, построенные одновременно с МТЗ в сороковых-пятидесятых годах.

Да, в сырой тени переросших тополей я видел эти обшарпанные убогие дома с их узкими дверьми и лестницами, низкими потолками, совмещенными сануздами и прочими особенностями аврального социализма. Я писал в газете, как тяжело и тоскливо там живет людям. Но это было давно. А недавно, сообщил мне начальник ЖЭСа, те дома отремонтировали. В ремонте участвовали и государство, и жильцы. Внутри сменили начинку, снаружи покрасили. Каждый дом выкрасили в свой цвет, микрорайон красиво

засветился. У жильцов поднялся жизненный тонус, возник местный патриотизм.

Но однажды утром они проснулись и ужаснулись. Стены всех домов были обезображены крупными надписями, выполненными масляной краской: ЗУБР, ВРЕМЯ УБИРАТЬ, ХОЧУ В ЕВРОПУ. «Представляете настроение людей от такого скотства? -- спросил начальник ЖЭСа. – Догадываетесь, за кого они проголосовали?» Я ответил, что представляю и догадываюсь. И рассказал ему аналогичную историю.

В моем микрорайоне, в Уручье, на остановках общественного транспорта установили изящные павильоны -- с прозрачной полукруглой крышей, с ветрозащитной стенкой, с удобной скамейкой, с торговым киоском. Пассажиры, в их числе и я, ощутили себя людьми, почувствовали уважение к городской власти.

Но однажды утром мы содрогнулись. Все остановки были испоганены метрового размера скорописью: ЗУБР, ВРЕМЯ УБИРАТЬ, 211-85-85, аб. 41-84. Наши чувства были оскорблены политикой, загрязняющей нашу среду обитания. Знаковое для белорусов понятие ЗУБР расположилось в один ряд с общеизвестным русским словом из трех букв, которым самовыражаются подростки.

В разгар президентской кампании и, соответственно, зубромарания чистых поверхностей я в «Народной воле» призвал ребят из «незарегистрированного молодежного движения «Зубр» не портить окружающую среду, не настраивать народ против зубра. Ребята прислали в редакцию агрессивный файл, где утверждали, что «не козлам учить зубров».

Эти же ребята распространяли по городам и весям наглядный пропагандистский материал под общим слоганом ВРЕМЯ ВЫБИРАТЬ. Допустим, выбирай, белорус, или средневековый замок (он изображался на фото) или концлагерь за колючей проволокой (на соседнем фото). Или суслика, или льва (оба фото -- впритык). Или ядерный гриб, или не менее известный, белый.

Не знаю, кто учил ребят так прямолинейно воздействовать на электоральный выбор. Предполагаю, что учитель -- человек недалекий и неглубокий. Это уловила газета «Советская Белоруссия», которая под схожим

слоганом ВРЕМЯ ВЫБОРА стала подавать пролукашенковский изобразительный материал, подобранный с умом и вкусом. Вроде то же самое, однако отличается. Чем? Тем, что сделано талантливо.

Умелые пропагандистские решения и трюки власти не единожды подчеркивали общую неталантливость оппозиции, ее примитивный общественно-поведенческий уровень. В команде, противостоящей нынешней системе власти, числились и достойные люди, значительно превосходящие усредненный белорусский потолок, а общий уровень оппозиции, повторю, -- невысокий. Сплошь графоманство! В таком случае точнее будет сказать: нет уровня. Следовательно, нет неба, а на нем -- солнца и звезд.

Низкий оппозиционный потолок на меня давит жестче, чем давит режим, упрочившийся в стране. Разочарование больнее угнетения.

Пик активной бесталанности тех, кто решил бороться за власть, -- безусловно, поведение мадам Полевиковой, возглавлявшей штаб кандидата в президенты Гончарика. Во Дворце Республики на встрече Лукашенко с избирателями Полевиковой предоставился уникальный шанс задать действующему президенту публичный, единственно верный, политически точный вопрос. И что же она спросила!

По-дамски охорашиваясь, она спросила опытного оратора: что он обещает-желает белорусским мужчинам на новый президентский срок? Президент молниеносно, в высшей мере адекватно отреагировал: он желает всем белорусским мужчинам, чтобы рядом с ними по жизни шла такая умная, такая красивая женщина, как Полевикова.

Это был блестящий мужской ход Александра Лукашенко. Потому он и победил, что в данной социально-психологической обстановке, в конкретной аудитории оказался изворотливее вас, зубры-в-возрасте и зубры-телята. Он талантливее вас во всем спектре универсальных политических технологий: и в популизме, и в фальсификациях, и в правде, и во лжи.

Вполне логично и обоснованно на низком белорусском потолке как минимум пять лет будет сиять холодная звезда «Победитель Лукашенко».

А павильоны на остановках общественного транспорта по-прежнему выпачканы зубрячеством. Оператор 211-85-85, скиньте абоненту 41-84: ПОРА УБИРАТЬ!

Октябрь 2001 г.

ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ

Вошь -- естественная спутница человека. Вот ползет по приличному воротнику соседа. Первого в данной ситуации услышим президента. Потому что у него мощные рупоры -- государственное телевидение и подручные газеты. «Это -- оппозиция!» -- во гневе судит он, указывая на вошь. «Это -- власть!» -- в пику вопиет газета «Наша свобода», и все независимые газеты хором ругаются: «Власть! Власть! Власть!»

А «Комсомольская правда» попытается взять у вошки интервью, для чего, не исключено, с ней переспит. «Новые известия» заинтересуются воротником: русский или еврейский?

Серьезно отнесется к факту -- ползет вошь -- «Литературная газета». Непременно станет докапываться до причин вшивости. Я буду с ней заодно, так как тружусь в «Литературке» двадцать пять лет.

И вот вижу, как по классической «Литературной газете» ползет вошь. Слышу, как ползет и приговаривает:

«Уже неоднократно было доказано, что практически вся белорусская оппозиция находится на денежном содержании у западных стран и их спецслужб, что их литература в значительной степени печатается за рубежом, в том числе в Литве и Польше. Делается все, чтобы создать трудности в этой стране. Фактически против Белоруссии ведется информационно-психологическая война.

Запад охотно поддерживает совершенно далекие от каких-то демократических норм режимы. Лукашенко не позволяет себе и десятой доли того, что позволяют себе, скажем, некоторые правители в Средней Азии или в том же Азербайджане. Тем не менее весь гнев обрушился на него. Обрушился именно за его приверженность идее союза с Россией.

России сотрудничество с Белоруссией очень выгодно и экономически, и политически. Многие белорусы себя считают едиными с Россией, хотя у них есть представление о своих местных особенностях...»

Я процитировал «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ» 2001 года.

Той «Литературки», которая в шестидесятых годах была модернизирована Александром Чаковским и на протяжении двадцати лет являлась отдушиной тоталитарной системы, теперь не существует. Переходя от хозяина к хозяину, мучаясь в экономических судорогах, в конце 2000 года «Литературная газета» оказалась в руках людей, признающих единственную национальность — МОСКВИЧ, уважающих суверенитет одной территории — внутри Садового кольца.

Для них мир делится на две части: первая -- Москва, вторая -- немосковское человечество, флора, фауна, ну и, конечно, белорусы, о каковых упомянул процитированный мною автор сегодняшней «Литгазеты», директор Института славяноведения Российской академии наук Владимир Волков.

Меня по конкурсу приняли на работу в «Литературную газету» собственным корреспондентом по Беларуси в начале 1977 года. Газета находилась на вершине расцвета и популярности. В редакцию шла громадная читательская почта. В моем архиве несчетное количество писем. Я писал о Беларуси, но наибольшее количество откликов получал из Дальнего Востока, Сибири, Украины, Молдавии, Азербайджана. Земляки-белорусы, как обычно, проявляли сдержанность.

В журналистском коллективе господствовала творческая конкуренция. Редакторат держал планку высоко. На полосу попадали отличные тексты, хорошие и посредственные летели в корзину. В конце года определялись достижения, за них полагались почетная грамота, ценный подарок. Хранится и у меня радиоприемник «Спидола», врученный Чаком.

Подцензурная советская газета ухитрялась и умудрялась принципиально говорить практически обо всем: о правовом беспределе в обществе, о тупости чиновников от министра до колхозного председателя, о нехватке товаров, о проблемах со сдачей стеклотары, о некачественных носках, о медлительности почты, о неповоротливости государственного планирования, о росте преступности, об экологической катастрофе ...

«Литературная газета» по сути являлась легальным диссидентом СССР и активно готовила Перестройку.

Завистники из других изданий запустили в обиход версию, будто «ЛГ» получила в ЦК КПСС тайное разрешение критиковать социалистическую

действительность, чтобы выпустить из общества пар, придать системе видимость самоусовершенствования. Сначала, дескать, разрешил Сталин, затем -- Брежнев. Это, мол, циничный сговор иезуитской власти и продажных писателей.

Не так! Если в ЦК разрешили критику, то почему регулярно вызывали «на ковер» Чаковского? Я видел его после партпроработок. Старый умный еврей делался совсем сутулым, ругался, без передышки дымил трубкой. Собирал журналистов, чтобы вместе подумать, как подступиться к деликатной теме (допустим, строительство сомнительной плотины в Ленинграде), как обойти цензуру, усыпить бдительность идеологических контролеров.

Я благодарю судьбу, определившую меня в команду супер-профессионалов. Наша журналистика была лишена цинизма, наша работа была бескорыстной. Посредством «Литгазеты» я приобрел множество друзей и врагов. К сожалению, жизнь устроена так, что со временем друзья отдаляются, а враги окружают плотнее и плотнее.

Поднимая острые проблемы, смело персонифицируя оные, «Литературная газета» мало судилась. Основательный подход, глубокое копание, искренность -- все это способствовало фактической и душевной точности «литгазетовских» публикаций. Автор должен был документально доказать редакционному юристу обоснованность своего опуса. Это задевало амбиции, зато оберегало от проколов.

Во второй половине восьмидесятых вместе с Перестройкой в газеты хлынул поток непроверенных фактов, поверхностной сенсационности, чернухи, желтизны. На крикливом фоне «Литературная газета» отошла в тень. Журналистов-исследователей оттеснили журналисты-стервятники, алчный взгляд которых выхватывает из реальности только падаль. Рынок СМИ захватили «комсомолки» и «коммерсантки», одержимые желанием заглянуть в чужую спальню, в замочную скважину, в задницу себе и другим.

Качественная журналистика порождается не свободой, а ответственностью и талантом. Демократия и пресса -- не обязательно любящие сестры, они чаще самовлюбленные фурии.

«Литературная газета» так и не перестроилась. Именитые авторы кто ушел на пенсию, кто в депутаты, кто умер, кто уехал за границу. Очередной

редактор русский писатель Юрий Поляков ведет «Литературку» прежним курсом, нацеливая на добротное изучение и адекватное отображение общественных процессов, происходящих в России и, в частности, в ее сердце и в мозге -- в Москве.

За четверть века я убедился, что моя газета не врет, не прикидывается, не лукавит, не фальшивит. Если «Литературке» нравится Лукашенко, значит, он нравится России и Москве. Если ее автор, директор Института славяноведения Волков соединил белорусов и русских в единый народ, то и для «Литературки» суверенитет Республики Беларусь -- пустой звук.

«Литературная газета» как серьезное издание выражает собой натуральную вшивость великого соседа Беларуси -- РУССКИЙ ШОВИНИЗМ.

В конце октября я посетил редакцию и подал заявление об увольнении по собственному желанию. Новое начальство с готовностью поддержало меня, ибо с января 2001 года игнорировало мою БЕЛОРУССКУЮ ИНФОРМАЦИЮ, направленную не в москальскую струю. Вшивость и плюрализм -- несовместимы, как грязь и чистота.

Прощай, «Литературка»!

Ноябрь 2001 г.

БЕЛОРУССКАЯ ЯМА

В эссе «Белорусский потолок» я с печалью констатировал ОБЩУЮ НЕТАЛАНТЛИВОСТЬ ОППОЗИЦИИ в период президентской кампании.

На сером фоне оппозиции и проявилась талантливость Александра Лукашенко как политика, и победа его логична. Вот что грустно.

Печаль моя несколько рассеялась, когда со всей страны мне стали звонить по телефону и присылать по электронной почте сообщения коллеги-журналисты и «рядовые» читатели. Они выражали солидарность. Им, как и мне, тяжело под низким белорусским потолком, на котором сияет звезда победителя Лукашенко. Спасибо, друзья, за поддержку! И прошу вас вчитаться в письмо, пришедшее в «Народную волю».

Письмо анонимное. Автор из Рогачева лишь сообщает, что ему 74 года, что образование у него 6 классов, что задачки в уме на скорость он решает лучше нынешних учеников 9 класса. Цитирую, расставив знаки препинания:

«Господа Середич и Козлович, когда я прочитал вашу статью «Белорусский потолок», то у меня, у старика, сложилось мнение, что кура домашняя несла яйца куриные, а из куриных яиц вдруг вышли одни селезни. Вот так с вашей образованности стали вылупляться дурачки. Господа Середич и Козлович, а кто, если не вы их вывели? Или вы считаете, их, этих зубров, нам кто-то, как белый порошок, прислал? Да вы поймите одно: сейчас все Середичи, Козловичи, Лукашенки, Мясниковичи, Оргиши и др. -- вы все как один нашли, как воши (подчеркнуто у автора – **А.К.**), свои рубцы в рубахе простого народа. Там под пахой нашли себе теплое место и оттуда балбесите, выдавая себя за умных образованных чучел. А что толку от вашей образованности и культурности... Ненавижу тех, кто много пишет и много говорит, но ничего не делает. Спасибо, зубры, пишете не только на стенах домов, но и под носом у тех, кто много балбесит. Чтобы они скорее просыпались да выходили из рубцов рубашек на волю и делали новую жизнь. Пока вас, господа писаки, зубровцы некультурные да простой народ не обработали дустом».

Не правда ли, знаменательное письмо! Образное. Нетерпеливое. Выражающее злую мечту народа о жизни без «паразитов» и «умников». Дремучее, как пуца, не тронутая цивилизацией и самодостаточная. Противоречивое, следовательно, умное. Как говорят, народное.

Прочитав это письмо, я почувствовал черноту ямы под собой. И никакой опоры. Ни сучка ни соломинки поблизости, чтобы ухватиться, не упасть туда, откуда я и мой редактор-демократ, и моя «Народная воля», и ее публицисты, борцы за народное счастье, и президент-автократ Лукашенко, с которым они в полемике, -- все видится в едином ряду. И взгляд из ямы -- недобрый, несправедливый ко мне и ко всем, кто солидарен со мной.

Дуст -- так же радикален, как взрывчатка, которой недавно угрожал редакции «Народной воли» идеологический противник. Угрожал письменно, однако анонимно, понимая, что делает нехорошо. Семидесятичетырехлетний старик пригрозил нам, друзья, дустом. Понимает, что это не по-людски, потому остался анонимом. Дед по-народному и хитер и труслив, на всякий случай спрятался в кусты. Сделал по-белорусски.

Не будем отвечать на ненависть ненавистью. Но и не будем бить себя в грудь и каяться, что мы-де страшно далеки от народа, не воспринимаем его отчаяния от сегодняшней жизни, отчаяния такой степени, что Козлович, Середич, Оргиш, Мясникович, Лукашенко и др. кажутся на одно опротивевшее лицо. Кроме анонимного рогачевского деда, есть в народе Павел Иванович Стрельцов. Он тоже пишет в любимую им «Народную волю»: «Увидев по российскому ТВ, как избивают молодых защитников Куропат лукашенковские молодчики в форме ОМОНа, я невольно вспомнил давнее...»

Бывший мелиоратор Стрельцов рассказал, как в пятидесятых годах в совхозе «Рогачевский», возле деревни Близнецы местная власть решила раскорчевать высотку, где во время войны полегли наши солдаты и где их закопали. «Один корчеватель был пущен, и тогда мы увидели усыпанный костями и боеприпасами пригорок. Трактористы отказались от дальнейшей работы».

Далее он пишет: «Сейчас уже нет того совхоза, опустела деревня Близнецы, в которой остались одни старики. Все развалено, поля почти не засеваются, зарастают чертополохом. И самое главное -- лежат на той высотке защитники Родины. Бросить на верную смерть их могли, а похоронить по людски нет. Советская власть не нашла средств захоронить их с честью. У сегодняшних властей Беларуси есть деньги на дубинки для народа и ни рубля -- на святое дело (автор имеет в виду строительство мемориала в Куропатах -- **А.К.**). А потому у меня такое же отношение к власти, какое у нее к миллионам загубленных жизней и в войну, и до нее, и после. Позор и стыд такому «социализму!»

Я сразу узнал почерк. Графологическая экспертиза подтвердила: оба письма написал один человек -- ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ СТРЕЛЬЦОВ из Рогачева.

Второе письмо, не буду скрывать, мне больше по душе. Целиком и полностью согласен с вами, Павел Иванович. Я тоже, как и вы, был мелиоратором. А затем стал «умником», то есть журналистом и много написал об умирании под руководством компартии белорусской деревни и природы -- о том, что откликается болью и в вашем сердце. Я был искренен, потому что был самим собой, что всегда свидетельствовала моя подпись: АНАТОЛИЙ КОЗЛОВИЧ. А вы, Павел Иванович?

Мы песчинки одного народа. Исторический ветер катит нас в одну сторону. Но мы сопротивляемся порознь. Нас относит друг от друга. И вы уже не различаете моего лица, а я не могу уловить вашего. То оно еле-еле белеет из гнилой белорусской ямы, то на миг взлетит под белорусский потолок и светит мне народным прозрением...

Когда вы были самим собой? Когда с ненавистью называли меня вошью, чучелом, писакой, балбесом, не отличая меня от Лукашенко? Или когда возмутились лукашенковской властью, применяющей дубинки против народа?

Когда же вы настоящий, дед Павел? Чего хотите?

Декабрь 2001 г.

www.kamunikat.org